

2. Золотова Г.А. Русская грамматика на рубеже столетий // Русский язык на рубеже тысячелетий: мат-лы Всеросс. конф.: в 3 т. – Т. 1. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 74-80.
3. Леденева В.В. Черты идиолекта Н. Лескова // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. – М.: СпортАкадемПресс, 1999. – С. 220-231.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 270 с.
5. Пискунова С.В. Поэтическая семантика слова. Б. Пастернак «Близнецы» // Слово II: сб. научн. трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1997. – С. 160-179.
6. Пискунова С.В. Текст, его семантика, форма и функция в языковом общении // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: мат-лы Всеросс. научн. конф. / отв. ред. проф. А.В. Пузырев. – М.-Пенза: Ин-т психологии и Ин-т языкозн. РАН, ПГПУ, 2001. – С. 114-115.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. академика Н.Ю. Шведовой. Т. 1. – Москва: Азбуковник, 1998. – 807 с.
8. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики). – Харьков: ХГПИ, 1991. – 189 с.

УДК 811.161.1

Маркова Е.М.

Московский государственный областной университет

НОМИНАНТЫ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ В КОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТАХ

E. Markova

Moscow State Regional University

THE NOMINATIONS OF YOUNG PEOPLE IN THE SLAVIC LANGUAGES IN THE COGNITIVE AND LINGUISTIC- CULTURAL ASPECTS

Аннотация. В статье речь идет о когнитивных основаниях номинаций молодых людей в славянских языках (главным образом русском и чешском). Прослеживается история агентивов, обозначающих лиц молодого возраста, с праславянского периода до наших дней, рассматриваются их мотивационные модели и основные семантические трансформации, обусловленные особенностями русской и чешской лингвокультур, а также новообразования, реализующие стереотипные культурные коды, но с помощью разных, культурно значимых образов.

Ключевые слова: когнитивные основания номинации, славянские языки, лингвокультурология, культурные коды, агентивы.

Abstract. The given article touches upon the cognitive grounds of nominations of young people in Slavic languages (mainly in Russian and Czech languages). The history of agents denoting young people is observed, beginning with the proto-Slavonic period up to the present day, the models of their motivation are described as well as their main semantic transformations, conditioned by the peculiarities of Russian and Czech linguistic cultures, stereotype character of neologisms, based on the different, culturally important images.

Key words: cognitive grounds of nominations, Slavic languages, linguistic cultures, cultural codes, agents.

В наименованиях, как первичных, так и вторичных, отражаются представления человека об окружающем мире, его «видение» действительности. Любое наименование имеет лингвокогнитивную основу и построено на ассоциативной связи уже имеющего языковое выражение наименования с номинируемым объектом, что дает основание говорить о метафорической

© Маркова Е.М., 2011.

природе номинации. Образность первичных наименований эксплицирована в их внутренней форме, анализ которой дает представления о том, какие признаки были положены в основу номинантов, какие свойства явлений действительности оказались существенными для нашего сознания в процессе номинации. Оппозиция «молодость»-«старость» принадлежит к древнейшим архетипическим оппозициям и связана с противопоставлениями «сильный»-«слабый», «здоровый»-«немогущий», «свежий, бодрый»-«несвежий, дряхлый». На основе анализа мотивационных основ (или мотивем) агентивов можно выделить основные когнитивные признаки, оказавшиеся существенными при номинации молодых людей, в то же время сопоставительный билингвальный анализ дает возможность увидеть специфику коррелятивных номинаций, лексическую или семантическую, связанную с особенностями той или иной лингвокультуры.

Для наименований лиц молодого возраста во всех славянских языках распространены образования с корнем *-млад-/-млод-/-молод-* (из **moldo*), мотивированные семантикой корня – «молодой, незрелый». Существует точка зрения на связь данного корня с глаголом *метать* (с чередованием *med-/met-*), исходным значением тогда является «выброшенный из чрева» [8]. Чешские этимологи связывают данный корень с индоевр. **meld-* «мягкий, нежный, слабый» от **mel-* «таять, молотъ» (*milt / молотъ* того же корня) [13]. В качестве аргумента этой точки зрения можно привести образное русское выражение **в нежном возрасте**, описательно обозначающее юность.

Дериваты с данным корнем служат для обозначения молодых людей разного возраста. Так, в русском языке, помимо лексемы *младенец* «грудной ребенок», с данным корнем употребительно номинативное сочетание *молодой человек*. В русских сказках и песнях часто встречается существительное *мóлодец* (обычно в сочетании *добрый молодец*), обозначающее удалца, ловкого, сильного человека. В чешском языке также из-

вестны образования с корнем *-mład-*: *mládež* «молодые люди», *mladice* «девушка, молодая женщина», *mladík* «молодой человек, юноша». Рус. *младенец* и чеш. *mládenec* образовали пару межъязыковых омонимов: если русская лексема является наименованием грудного ребенка, то чешская – молодого человека, юноши, а также неженатого мужчины вообще.

Ребенок в возрасте до одного года, младенец обозначается в чешском языке лексемами *nemluvně* (от *mluvit*, рус. уст. *молвить*), т. е. буквально «еще не говорящий», а также *kojenec*, имеющей также «прозрачную» внутреннюю форму, обусловленную семантикой глагола *kojit*, в современном чешском языке получившего значение «кормить грудью» [12].

Еще более ранним праславянским словом, обозначающим молодого человека или девушку от 15 до 20 лет, было **junъ*. В русском языке сохранились агентивы с этим корнем: *юноша, юнец* (сейчас в основном в сочетании *юнец безусый* с пренебрежительной коннотацией). Данный корень является индоевропейским по происхождению и имеет прямые соответствия в европейских языках: нем. *jung*, англ. *young* «молодой». От голланд. *jongen* «мальчик, помощник» берет свое начало рус. *юнга*, получившее значение «подросток на судне, обучающийся морскому делу» [9]. Известно в русском языке и лат. *junior* «младший»: *юниор* в русском языке служит для обозначения молодого спортсмена, выступающего в своей возрастной категории (от 18 до 20 лет).

Образования с корнем *jun-* в современном чешском языке в большинстве своем носят книжный характер. Исключение составляют лишь заимствование *junior* с той же семантикой, что и его русский коррелят, а также в значении «младший из двух особ с одинаковыми именами» (например, *Novák junior*) и *junák* – название члена скаутской организации [15]. *Junák*, заимствованное из сербского, известно также в качестве экспрессивного наименования героя, богатыря. Бытовавшие в старочешском языке лексемы *junoch, jinoch*

«молодой человек» (ср. с рус. **инок**, получившим религиозное значение: «монах»), **junoše**, **jinoše** «юноша», **junec**, **jines** (рус. **юнец**) «детеныш осла, быка» [15], имели ярко выраженный старославянский характер, что и послужило причиной их стилистического смещения и архаизации. В период чешского национального возрождения некоторые слова с данным корнем были «оживлены» или заимствованы из других славянских языков, главным образом из русского, и использовались в качестве поэтических, книжных слов. К ним принадлежат и русизмы **juný**, **junost**, **junoš**, **junec**.

Известно во многих славянских языках и общеславянское наименование маленького человека – **дитя**. Этот же корень, по мнению этимологов, выделяется и в общеславянском глаголе **доить / dojit**, первоначальное значение которого было «кормить грудью». Поэтому **дитя** буквально – «вскармливаемый грудью» (ср. аналогичную признаковую модель у чеш. **kojenec**). Оно послужило основой русских дериватов (разг.) **детвора** («маленькие дети»), **детеныш** («молодое животное, находящееся при матери»), **детушце** (устар. «ребенок», а также современное переносное «что создано собственными руками, трудом»). В разговорной речи используется много ласкательных наименований с данным корнем: **детка**, **деточка**, **детушка**, **детушки**, **детуля**, **дитятко**. Положительную коннотацию имеют однокоренные (экспр.) **детина**, **детинушка** «рослый и сильный молодой мужчина». Послужив мотивировкой перечисленных наименований, само существительное **дитя** в русском языке устарело (сохранившись лишь в форме **дету**), вытесненное другим, собственно русским образованием – **ребенок**. В чешском языке **dítě** сохранилось в значении «ребенок». Так же как и в русском, многочисленны и его дериваты: **dětství**, **dítka**, **dětičky**, **děťátko**, **dětina** (в отличие от русского обозначает ребенка).

Приведенное выше рус. **ребенок** является суффиксальным производным от **робя** (в род. падеже – **робяте**, откуда собир. **ребята**) – праславянского ***orbę**. В разговорной речи

распространены и его производные: собир. **ребятня**, **ребятишки**. **Ребенок** имеет тот же корень, что и **раб** с исходным значением «маленький». Чешскому языку также известна лексема **robě**, но в качестве книжной, малоупотребительной (например, в выражении **baculaté robě** «пухленький ребенок») [15].

Как устаревшая или употребительная в религиозном дискурсе используется в современном русском языке лексема **чадо**, древнее суффиксальное производное от ***četi** → **чати**, **зачать** для номинации ребенка [8]. Таким образом, **чадо** буквально означает «зачатое». Вытесненное другими лексемами, это слово утратило свои позиции в ядре лексической системы русского языка, сохранившись в сложении **домочадицы**, а также в речи священнослужителей при обращении к верующим как к **чадам Господним**.

С древнего периода известен славянским языкам и номинант **отрок** («мальчик-подросток»), который в русском языке послужил основой для названия возрастного периода – **отрочество**, но сам стал употребляться в определенных стилистических целях с иронической коннотацией, а также в религиозном дискурсе. Встречается оно в Божественной литературе и в выражении **Божественный Отрок** для обозначения Бога-сына в отроческом возрасте. Являясь общеславянской, лексема **отрок** в одних языках (в укр., пол., словен.) закрепилась в значении «ребенок, молодой человек», в других – в значении «раб», например: в.-луж. **wotročk** «работник, батрак» [10]. Чеш. **otrok** употребляется также в его втором значении: «бесправный человек, находящийся во власти другого», «невольник, раб», а также в переносном «раб своей страсти» [15]. Наиболее распространенным объяснением мотивировки данного слова является апелляция к глаголу ***rekti** «говорить». **Отрок** буквально – «не говорящий, не имеющий еще права говорить на вече», что касалось как рабов, невольников, так и незрелых юношей, отсюда – развитие двух значений у данной лексемы [8].

Сочетание значений «ребенок, мальчик» и «слуга» имеет типологический характер и

исторически свойственно лексеме *холоп* из *cholpъ. Русскому языку известна просторечная лексема *хлопец* того же корня, заимствованная в 18 веке из украинского языка, куда она попала из польского [4]. Чешскими толковыми словарями фиксируются лексемы *chlöp* в значении «польский крестьянин», а также (с пометой «диалектное») «мужчина» и *chlap* как экспрессивное наименование сильного мужчины, мужика, детины [15]. В народной речи известны и дериваты – *chlapák, chlapík* с семантикой «сильный, достойный мужчина», *chlapisko* – «великан» [13]. В современном чешском языке дериват *chlapec* сохранил первичную семантику «парень», а также в народной речи употребляется в значении «молодой неженатый мужчина», «любовник» и как экспрессивное наименование мужчины вообще [15].

Этимологи связывают данный общеславянский корень с инд.-евр. *(s)kol- «резать» (ср. греч. *koros* «мальчик» от *keirō* «режу, стригу»), однако объясняют эту связь по-разному [10]. Черных соглашается с предположением Соболевского, что *холоп* первоначально означало «кастрированного раба» [4], Н.М. Шанский связывал слово *холоп* с *холостой* и с диалектным *холостить* «коротко стричь» и утверждал, что первичное значение было обусловлено обрядом стрижки волос у подростков [9].

Для обозначения детей служат и образования с корнем *мал-* «маленький». В русском языке для обозначения ребенка, подростка мужского пола употребляется его производное *мальчик* (и его разговорные варианты *мальчишка, мальчонка, мальчуган*), кроме русского, известно также в словенском языке, где *malček* – «мальчик, малютка» (интересно, что изоморфное чеш. *malíček* является наименованием маленького пальца – мизинца). В русском разговорном языке употребительны и другие дериваты с тем же корнем: *малый* (в значении «парень», в котором известно и чеш. *malý*), *мальш* (собр. *мальшина*), *малец, малявка, малютка, малолетка*, большинство из которых имеют пренебрежительную коннотацию.

Семантическим коррелятом рус. *мальчик* является чеш. *hoch* (уменьшительные *hošek, hošík*) сокращение от *holobrádek* (буквально «с голой бородой»), *holec* [13]. Все они мотивированы общеславянским *holý / голый* (т. к. одним из признаков молодого человека является отсутствие волос на подбородке, «голый» подбородок). Подобную мотивировку имеет и однокоренное рус. *оголец* – коннотативное наименование озорного мальчишки. Только в чешском языке от данного корня было образовано и разговорное наименование девочки – *holka*.

Для обозначения ребенка женского пола во многих славянских языках используется основа *дева*, суффиксальное образование от *доити* «кормить грудью» (как и *дитя*) [8]. Исходное значение слова *дева* – «способная кормить грудью». В настоящее время лексема является устаревшей в русском языке в значении «девушка», но употребляется в разговорном оксюморонном выражении *старая дева* по отношению к немолодой женщине, не вступавшей в брачные отношения. Устарел и его дериват *девица* в значении «девушка» (сохранилось в песнях, в отдельных выражениях: *красная девица, девица-красавица*). Однако активно употребляются другие производные того же корня – *девочка* (для обозначения ребенка женского пола до 14 лет) и *девушка* (для наименования подростка женского пола). Известно в русском языке и образование *девка* как устаревшее наименование крестьянской девушки, а так же как современное просторечное наименование девушки. Бытовавшие в старочешском языке синонимы *dievka* и *děvka* (Gebauer) впоследствии разошлись в значениях. В чешском языке *dívka* стало общеупотребительным словом для обозначения девушки, а его дериват *děvčátko* – эквивалент русского *девочка*. Лексема *děvka* получила отрицательную коннотацию и стала использоваться в качестве оскорбительного наименования девушки.

Мотивацией для обозначения молодых людей послужила и семантика глагола *расти*, т. к. молодое существо связано с *ростом*, увеличением в размерах, развитием. Отсюда

такие, более поздние, межъязыковые одно-корневые синонимы, как рус. *подросток* и чеш. *výrostek*.

В русско-чешском языковом пространстве существуют и специфические для каждого из языков, национально маркированные наименования подростков. Таким является, например, русское разговорное слово *парень* – суффиксальное производное от *паря*, отмечаемое еще в 19 в., а также известное в диалектах. Оно является собственно русским образованием от заимствованного в 19 в. из украинского *паробок* → *парубок*, деривата от той же основы, что и *ребенок* [9]. Уже в советскую эпоху из украинского было заимствовано и просторечное *пацан* (для обозначения лица женского пола – *пацанка*). По происхождению этот жаргонизм связывают с немецким названием женского полового органа *Potz* [2].

Только в русском языке известно и слово *отпрыск*, образованное от *прыскать* – «брызгать, лопаться» → «давать молодые побеги». Исходное *прыск* в значении «сок, брызги» еще встречается в некоторых русских говорах. Таким образом, *отпрыск* первоначально – «что-то отделившееся от большего (ствола, ветки)», затем – «ребенок как отделившееся от матери».

Синонимом русского *парень* служит собственно чешское разговорное *kluk*, известное в старочешском языке в значении «стрела» (которая имела «оперение», т. е. была раздвоя на на конце в виде ласточкиного хвоста). Оно является результатом универбации выражения *kluk pereřený* (буквально «стрела неоперенная»), которое уже в старочешском языке метафорически стало ругательством для никчемного, ленивого человека [12]. *Pereřený* означало «ни к чему не приспособленный, не годящийся» (ср. рус. образное *птенец неоперившийся* по отношению к молодому человеку). Впоследствии *kluk* стало употребляться отдельно, пренебрежительная коннотация у него была ослаблена, и оно стало разговорным названием молодого человека.

Однако этим не ограничиваются спецификации в наименованиях молодых людей

в русском и чешском языках. В процессе их самостоятельного развития в сфере агентивной лексики появилось много новообразований, отмеченных национальной спецификой. По мере познания человеком окружающего мира он открывал для себя все новые и новые свойства и качества предметов, проводил новые сравнения с уже означенными явлениями. В результате возрастные признаки человека получали новую языковую объективацию не только средствами первичной, но и вторичной номинации, подобно другим антропоморфным явлениям.

В основе вторичной номинации также лежит скрытое сравнение предмета или явления, уже имеющего вербализованную форму, с новым, номинируемым, и сближение их по каким-то признакам, т. е. метафоризация, когнитивно-номинативная суть которой состоит в самом процессе обнаружения общих моментов в сравниваемых предметах. При этом вторичную номинацию характеризует ярко выраженный субъективный фактор, включающий в себя и субъективную оценочность. Следует, однако, заметить, что многие новообразования в славянских языках подчиняются действию однотипных когнитивных моделей, основанных на действии идентичных культурных кодов. Национально-культурная специфика связана с тем или иным образом, реализующим универсальную семантическую модель.

Такой когнитивный признак, как маленький рост, о котором уже говорилось выше, вербализуется не только с помощью лексем, корень которых эксплицирует данный признак: рус. *малявка*, чеш. *mrně / mrňous mrňavec* (от *mrňavě* «маленький»), *titěra* (от *titěrně* «маленький»), *prtě* (от *prtěvě* «малюсенький, крошечный»), но и с помощью образов зоонимического кода, отличающихся крошечным размером: рус. *козявка, букашка, клоп* и чеш. *brouček* («жучок, букашка»), *cvrček* («сверчок»), *červíček* («червячок»). Маленькое существо, чаще всего женского пола, пренебрежительно называется у русских и словом *пугалица* (в диалектах известным также в значении «чибис, чайка», а потому

связываемым этимологами со звукоподражательной мотивемой). Признак «маленький, низкий» передается и с помощью русских фразем также с отрицательной коннотацией *от горшка два вершка, (кто) под стол пешком ходит*, а также логозпистемой *мужичок с ноготок* (восходящей к стихотворению А.Н. Некрасова «Крестьянские дети»).

Стереотипическим для выражения названного признака детей является и сравнение с крошкой как мельчайшей частью хлеба, известного многим языкам, ср. рус. *кроха / крошка*, чеш. *drobeček / drobátko* («крошка»). Кулинарный код реализован в специфическом сравнении малыша со шкваркой, кусочком перетопленного сала в чеш. *škvrně* «шкварка», (экспр.) «малыш» (от *škvářit* «перетапливать сало») [16].

Сема «нечто дробное, мелкое» стала основанием переноса и чеш. *prcek*, если принять точку зрения на его этимологию как производного от *prcati* «идти мелким шагом» [16], в таком случае с первичным значением «шажок». Ничтожность, незначительность как характерные признаки маленького человека передаются экспрессивно и с помощью вторичных номинантов рус. *капля, капелька*, чеш. *plivník* («плевок»).

Стереотипические модели семантического переноса, отражающие признак «маленький», репрезентируют и артефактный культурный код, представленный в данном случае какими-л. мелкими предметами: рус. *кнопка* «маленькая девочка» (из *кнопка* «круглый маленький предмет»), чеш. *kost / kůstka* («косточка», «малышка»), *pásek* («ремешок, пояс», «ребенок»), *svoček* («гвоздик», «маленький ребенок»), *šprček, špunt* («затычка, пробка», «карапуз») (ср. с именами собственными малышей из книги детского писателя Н. Носова о Незнайке: *Винтик* и *Шпунтик*).

Характерным для маленьких детей является их упитанность, пухлость, крепость, что выражает внутренняя форма рус. *буруз* (от *бутеть* «толстеть») [9], передают вторичные номинации рус. *карапуз* (известное также в значении «жучок» и являющееся, по предположению М. Фасмера, метафорическим пе-

реосмыслением тюркского *karpuz* «арбуз»), а также рус. *пузырь, пунс* («кукла»). Неспособность маленьких детей ходить подчеркивается признаковыми основами номинантов рус. *ползунок* и чеш. *lezátko* (от *lézt* «лезть», букв. «лазающий, ползающий»), чеш. *batole* (от *batolit se* «ковылять, ходить неуверенно») [16].

Неопытность, несамостоятельность детей, молодых людей связана с образом существа, сосущего молоко, питающегося от матери. На этом образе основаны такие оценочные наименования с уничижительной коннотацией, как рус. *молокосос, сосунок, (у него) молоко на губах не обсохло*, чеш. *s mlékem na bradě* (букв. «с молоком на подбородке»). В основе данных однотипных вторичных номинаций лежит антропная метафора, уподобляющая неопытного, несамостоятельного из-за своего незначительного возраста человека грудному ребенку, который питается материнским молоком (ср. и в фольклоре: *матушкино молоко вокруг рыла не обсохло, только что от кормилицы*). В этом образе, имеющем универсальный характер, отображено стереотипное представление о молодом человеке, который мало знает жизнь, плохо разбирается в ней, но пытается действовать самостоятельно, зачастую самоуверенно, нагло, не прислушиваясь к советам старших, а также о человеке, слишком рано занявшем высокий пост и своей неопытностью вызывающий ироническое отношение [1].

Многочисленные номинации молодых людей с отрицательно-оценочной коннотацией связаны с характерными для детей признаками: наличием соплей, частым плачем, криком, плохим запахом, неаккуратностью, послужившими основой их названий: рус. *сопляк, плакса, пискля, вонючка, грязнуля, паршивец* (от *паршивый, парша* «чесотка»), чеш. *usmrkánek* (из сочетания *usmrkaný kluk* «сопливый ребенок», корень тот же, что в рус. *сморкаться*), *utřínos* («утри нос»), *uplakánek* («плакса»), *pískle* («пискля»), *smrad* (1) «вонь, зловоние», (руг.) 2 «паршивец»), (груб.) *fakan* («щенок», возможно от *fákati* «пачкать») [16].

Неопытность молодых людей вербализована в обоих языках также прилагательными,

во внутренней форме которых эксплицированы такие признаки, характеризующие мир животных и растений, как незрелость, неспелость (плодов), зеленый цвет (плодов) как символ незрелости, неоперенность (птиц), отсутствие определенного количества лет, отсутствие растительности на лице, свойственного взрослым мужчинам. Ср. рус. *зеленый, незрелый, неоперенный, несовершеннолетний, юнец безусый, недоросль* и чеш. *nedospělý* («незрелый»), *neopeřený* («неоперенный»), *zelenáčský* («зеленый»), *dospívající* («доспевающий»), *dozrívající* («дозревающий»), *nezletivý* («несовершеннолетний»).

Стереотипическим является и сравнение молодых людей с детенышами животных, что вербализуют такие русские вторичные номинации, как положительно окрашенные *котенок / котик, заяц / зайчик, козленок, цыпленок* и чешские *kotě / kočka* («котенок»), *kolčava* («ласка»), *křepelka* («перепелка»), *kuřátko / kuře* («перепелка»), *láň* («лань»), *daňče* («лань»), *motýlek* («мотылек, бабочка»), *srnka* («косуля»), *zajíček* («зайчик»), *kůzle / kůzlátko* («козленок»), *hříbě / hříbátko* («жеребенок»). Отрицательную оценку репрезентируют следующие номинанты, используемые в основном в качестве ругательств по отношению к молодым людям: рус. *щенок, звереныш, гаденыш, змееныш* и чеш. *štěně* («щенок»), *ještěrka* («бойкая девушка, вострушка» из «ящерица»). Неоформившаяся, непропорциональная, поэтому часто неказистая внешность девочек-подростков передается также с помощью образов зоонимического кода: рус. *лягушонок, гадкий утенок*, символизирующих того, чья красота, достоинства пока не видны, но раскроются в будущем. Эта логоэпистема, как известно, обязана названию сказки Г. Х. Андерсена о некрасивом птенце, превратившемся в красавца лебедя. В чешском языке им соответствуют вторичные номинации *žába, žabka* («лягушка»), *pulec* («головастик»).

Подвижность детей, их непоседливость, увертливость послужили основой ассоциаций с предметами, функционально связанными с характерными для них многочисленными

движениями, что послужило основанием вторичных номинаций, основанных также на артефактном коде: *šídlo* («шило», «стрекоза», «непоседа»), рус. *юла* (ср. коррелятивные сравнения чеш. *ditě je jako šídlo* и рус. *ребенок как юла*), рус. *шпингалет* «маленький бойкий мальчишка» (из *шпингалет* «задвижка»).

Шустрых, изворотливых мальчишек в русском просторечии называют и шутивным *шкет*, арготичным по происхождению и заимствованным из чеш. *šketa* «болван, изверг», этимологически восходящим к немецкому источнику с этимологом «простой» [8]. Дерзость, несдержанность, вызывающее поведение детей подчеркивается в таком чешском наименовании, как *fracek*, внутренняя форма которого указывает на склонность к плохому поведению людей в незрелом возрасте: от нем. *Fratz* «рожа, гримаса», а также в древности «плохой, безобразный человек» [16].

Непоседливость детей, их стремление к озорству «прозрачно» выражают русские агенты *озорник, проказник, шалун*, чеш. *dareba, darebák* («озорник, проказник» от *darebačit* «озорничать, проказничать»), *rošťák* («озорник, шалун» от *rošťačit* «озорничать») [16]. Отрицательная коннотация, сопровождающая номинации детей как озорных, непоседливых, шаловливых существ, вербализована связью их номинаций с названиями черта, дьявола, которым, как известно, приписываются различные пакости и безобразия. Эта связь прослеживается в рус. *бесенок, чертенок, дьяволенок*, чеш. *čertovský kluk* (букв. «чертов парень»), *čertovo kvítko* (букв. «чертов цветок»), *drak* («змея, дракон», «фуррия, ведьма»).

Для наименования молодых людей также актуален растительный код, при помощи которого экспрессивно выражается стройность, красота, цветущий вид молодых: напр. рус. *березка* «молодая стройная женщина», *ромашка* – «наивная, романтическая девушка», *дубок* о крепком парне, молодом человеке – символизируют собой молодость, красоту, силу. Здоровье молодого человека в чешской культурной традиции подчеркивается с помощью сравнения с буком, деревом, сим-

волизирующим силу, здоровье, мощь: *kluk / chlapeц zdravý jako buk* (букв. «здоровый как бук»); *roste jako buk* (букв. «растет как бук»). С пихтой, обозначаемой в чешском языке лексемой *jedle* (рус. *ель*), ассоциируется стройность и высокий рост молодых мужчин: *hoch jako jedle* «статный парень», *urostlý jako jedle* «рослый как пихта» [14]. Названия плодов вишни также являются важными в процессе вторичной объективации действительности, при этом не только в чешской, но и в русской лингвокультурах: ср. чеш. *děvče jako višně* и рус. *как спелая вишня* о дышащей свежестью, налитой здоровьем, румяной девушке. Красота, привлекательность девушки ассоциируется у русских с чем-то сладким и легким, что выражено словом *конфетка*. Близкий этому образ и в основе компаратива *dívče / kluk jako cimetel* (букв. «девушка / парень как карамелька, леденец»), характеризующего симпатичную девушку или молодого человека.

Проанализированный нами агентивный материал в близкородственных русском и чешском языках показал, что в наименованиях молодых людей разного возраста первоначально актуализировались следующие признаки: зачатый; выброшенный из чрева; вскормленный грудью; маленький; растущий; отделившийся от основной ветви; неоперившийся; с голым подбородком; остриженный; не говорящий; не имеющий права голоса, удалой. С течением времени подверглись вербализации другие когнитивные признаки, послужившие основой новых номинаций молодых людей, в том числе вторичных, сопровождаемых определенной оценкой, по большей части отрицательной: нечто дробное, мелкое, незначительное; неспособность ходить, неопытность, несамостоятельность; незрелость; несформированность, неказистость; неопрятность, неаккуратность; подвижность, непоседливость; отсутствие ума при физической силе. Положительной оценкой отмечены

такие признаки, как стройность, красота, здоровье, свежесть и крепость щек. Несмотря на многообразие когнитивных признаков, получивших языковую объективацию, выделяются общие номинативные модели в разных славянских языках, основу которых составляют универсальные культурные коды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Под ред. В.Н. Телия. – М., 2006. – 782 с.
2. Горбач О. Аргю в Україні. – Львів, 2006. – С. 472.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1968-80. – Т. 1-4.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1993. – Т. 1-2.
5. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005. – 926 с.
6. Словарь современного русского литературного языка. – М., 1950-65. – Т. 1-17.
7. Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1958. –Т. 1-3.
8. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1994. – 398 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд. – М., 2004. – Т. 1-4.
10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М., вых. с 1974. – Т. 1-32.
11. Gebauer J. Staročeský slovník. – Т. 1-2. Praha, 1903-16. – Т. 1-2.
12. Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. – Praha, 1952. – 620 с.
13. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. – Praha, 1968. – 590 с.
14. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. – Olomouc, 2002. – 660 с.
15. Příruční slovník jazyka českého. – Praha, 1935-57. – Т. 1-9.
16. Rejzek J. Český etymologický slovník. – Praha, 2001. – 752 с.
17. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha, 2003. – 646 с.
18. Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frázisouznačných, blízkých a příbuzných. – Praha, 2007. – 1190 с.